

Иун отправился в приют для детей. После того, как несколько раз делала одно и то же заявление другим полицейским, Юхва смогла отправиться в женский приют.

Ее мать, которую доставили в больницу, после операции перевели в отделение интенсивной терапии. Юхва регулярно навещала ее вместе с полицейским в назначенное время. Несколько дней спустя, когда ей позвонили и сообщили, что ее мать пришла в сознание, она в отчаянии побежала.

Ярко освещенное отделение интенсивной терапии было наполнено механическими звуками. Среди пациентов, которые беспокойно металась между жизнью и смертью, только у ее матери были открыты глаза. Глаза, устремленные в потолок, не могли сфокусироваться, только темнота, которая шуршала, как пепел.

Юхва медленно подошла к своей матери.

— Мама.

Когда она произнесла слово, которое, как она думала, больше не будет произносить, у нее перехватило горло. В то же время на глаза навернулись слезы. Ее тело задрожало от необъяснимого чувства. Именно тогда взгляд матери медленно достиг Юхвы.

— ...Это ты, Юхва.

Вопреки ее ожиданиям, что она будет счастлива, голос ее матери был тихим. Это был голос, похожий на пустое лицо, как будто все эмоции исчезли. Она ожидала, что она будет такой, потому что устала, но странное предчувствие пощекотало ей затылок.

— Да.

— А как насчет того человека?

— ...Он исчез.

— Он не умер?

— ...

Как только Юхва услышала слова матери, она вспомнила о крови, разбрызганной по дому. Тот факт, что это была не вся кровь ее матери, принес ей жуткое, но странное облегчение.

Юхва тихо протянула руку и взяла свою мать за руку. Когда она собиралась поблагодарить ее

за то, что она жива.,

— ...Я жива?

Вопрос ее матери был тяжелым. Настолько, что она даже не смогла ответить.

— Почему?

— ...

— Почему... я жива? Почему?

Лицо ее матери, вопрошающей о ее жизни, было пустым. Матери, которая плакала ей, говоря, что она не должна умирать, больше не было рядом. Ее мать посмотрела в потолок, как слепая, а затем пошевелила пересохшими губами.

— Мне жаль.

— ...

— Прости меня, Юхва. За то, что заставила тебя так жить...

Это извинение отличалось от предыдущего. В отличие от печального извинения, которое было пропитано грустью, это было извинение без всякого веса.

Как будто ей больше нечего было сказать, кроме этого.

Она получила извинения от своей матери, но это не облегчило ее боль. Потому что извинения не могут стереть время, запятнанное ранами. Однако она не могла ни возмущаться, ни утешать свою мать.

Она боялась, что ее мать будет вот так сломлена, если она обидится на нее.

Это было еще страшнее.

Ее единственная мать, разваливающаяся на части. Оставшись одна в этом жалком одиночестве.

Юхва долгое время безучастно смотрела на нее, даже не моргая, как будто запечатлевала это в своей памяти. Она хотела, чтобы ее мать прожила долгую жизнь. Она была бы жива, если бы

преодолела этот кризис. Она посмотрела на свою мать глазами, в которых были слова, которые она не могла произнести, потому что они казались ложью.

Однако, отказаться от воли к жизни, за которую она упорно держалась, было трудно только один раз, но не дважды, ее мать умерла в отделении интенсивной терапии той ночью.

Веревка для белья, которая внезапно ослабла, изогнулась вниз. Тонкая древесина, к которой была привязана веревка, была наклонена внутрь.

Отложив одежду, которую она держала в руках, Юхва снова закрепила дерево, отвязала бельевую веревку и потянула за нее. Однако, пока она завязывала веревку, дерево снова накренилось, и бельевая веревка упала.

Это было не то, что она могла сделать в одиночку. Даже если бы это нужно было сделать в одиночку, это было возможно только для высокого человека. Юхва, которая все это время пыталась, сдалась.

Это было неприятно, но у нее не было другого выбора, кроме как развесить белье в доме. Если бы она развесила его снаружи, была высокая вероятность, что поддерживающая древесина не выдержала бы веса белья и упала.

— Эх.

Тяжелый вздох сорвался с ее губ. Юхва потерла лоб с усталым выражением лица.

Она ворочалась всю ночь, не в силах уснуть. В те дни, когда воспоминания о прошлом, которые были едва похоронены, всплывали в ее голове, она с трудом могла заснуть.

Когда это было серьезнее, она даже слышала галлюцинации. Было бы прекрасно, если бы ей прописали лекарство от беспокойства, но ей пришлось выйти на 30 минут, чтобы купить его в этом районе. После того, как было принято решение о перепланировке, даже больница сменила местоположение. Так или иначе, у нее не было выбора, кроме как стиснуть зубы и терпеть это.

Затем, когда Юхва с трудом повернула свои тяжелые шаги обратно, Ю Хва повернула голову на незнакомый звук, который она слышала. Ухен сидел на цементной лестнице перед домом, где едва можно было поставить пару обуви. В руке у него была чашка с ramen. Ramen быстро исчез от движения палочек для еды.

С каких это пор он здесь?

Она не почувствовала его присутствия, даже когда выносила белье на улицу. Юхва почувствовала себя неловко, когда подумала о Ухене, который, должно быть, был свидетелем всех ее вздохов и обеспокоенного выражения лица.

Голова Юхвы повернулась вперед, как будто она ничего не видела.

— Юхва.

Ее остановил дружелюбный голос, окликнувший ее. Глаза Юхвы, смотревшие вперед, затуманились.

Сколько времени прошло с тех пор, как кто-то вот так называл ее по имени?

<http://tl.rulate.ru/book/67662/3586516>